

УДК 005.52:343.53

© К.М. Коваленко, Д.С. Налбандян, 2025

**Анализ динамики подозрительных операций за последние пять лет
(2021–2025 гг.)**

К.М. Коваленко

студент 1 курса НИЯУ МИФИ, Москва

E-mail: egorsm1122@yandex.ru

Д.С. Налбандян

Ассистент кафедры финансового мониторинга НИЯУ МИФИ, Москва

E-mail: davanlb8@gmail.com

Аннотация: Статья анализирует динамику подозрительных операций в России с 2021 по первое полугодие 2025 года, включая вывод средств за рубеж, обналичивание и спрос на теневые услуги. Рассматривается влияние цифровых технологий, экономической и политической ситуации, а также эффективность мер регулятора и правоохранительных органов.

Ключевые слова: подозрительные операции, финансовые расследования, вывод средств за рубеж, обналичивание денежных средств, ПОД/ФТ, Банк России, финансовый мониторинг.

**Analysis of the dynamics of suspicious transactions over the past five years
(2021–2025)**

K.M. Kovalenko

1st year student of NRNU MEPhI, Moscow

E-mail: egorsm1122@yandex.ru

D.S. Nalbandyan

Assistant of the Department of Financial Monitoring NRNU MEPhI, Moscow

E-mail: davanlb8@gmail.com

Abstract: The article analyzes the dynamics of suspicious transactions in Russia from 2021 to the first half of 2025, including capital outflows, cash withdrawals, and demand for shadow services. It examines the impact of digital technologies, the economic and political environment, as well as the effectiveness of measures by regulators and law enforcement agencies.

Keywords: suspicious transactions, financial investigations, transfer of funds abroad, cashing out funds, AML/CFT, Bank of Russia, financial monitoring.

За последние два десятилетия в Российской Федерации сформирована одна из наиболее устойчивых и технологически развитых систем противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Принятие Федерального закона № 115-ФЗ в 2001 г. и создание Комитета по финансовому мониторингу (ныне — Росфинмониторинг) ознаменовали переход от фрагментарного контроля за денежными потоками к комплексной системе управления финансовыми рисками. Важным ориентиром развития национальной системы стали рекомендации FATF и методологические документы Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ) [1]. Международные оценки (FATF, 2023; ЕАГ, 2024) фиксируют общую тенденцию снижения количества сообщений о подозрительных операциях (STR) при одновременном росте качества их аналитической обработки и результативности последующих финансовых расследований. Российские данные демонстрируют аналогичный вектор, что позволяет рассматривать внутренние изменения как часть глобального тренда повышения эффективности финансового мониторинга.

Научная новизна исследования заключается в выявлении структурных и институциональных факторов, повлиявших на изменение динамики подозрительных операций в 2021–2025 гг., и в интерпретации этого процесса как следствия технологической зрелости ПОД/ФТ-инфраструктуры, а не только административного ужесточения надзора.

Эмпирическую базу составили официальные статистические материалы Банка России о подозрительных операциях за 2021–2025 гг., ежегодные отчёты Росфинмониторинга, а также аналитические обзоры FATF и ЕАГ. Применялись методы структурно-динамического анализа, межгодового сопоставления, причинно-следственной интерпретации и риск-ориентированного моделирования. Данные агрегировались по трём основным категориям — вывод денежных средств за рубеж, обналичивание и транзитные операции — с последующим качественным анализом отраслевых и технологических факторов. В качестве концептуальной рамки использован риск-ориентированный подход (Risk-Based Approach), закреплённый в Рекомендации 1 FATF и в Методических рекомендациях Банка России № 18-МР.

За период 2021–2025 гг. объём подозрительных операций в России демонстрирует устойчивое снижение: – 20 % в 2021 г., – 5 % в 2022 г., – 12 % в 2023 г., – 21 % в 2024 г. и – 12 % в первом полугодии 2025 г. по сравнению с аналогичными периодами предыдущих лет. Эта динамика отражает не сжатие экономической активности, а изменение архитектуры финансового контроля и адаптацию участников рынка к новым требованиям прозрачности (см. табл. 1).

Таблица 1 – Объемы подозрительных операций [4-8]

	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Первое полугодие 2025 года
Объем денежных средств выведенных за рубеж	43	37	30,8	26	8,4
Объем обналачивания денежных средств	62	63	59,5	44	15,9
Объем подозрительных операций	105	100	90,3	70	24,3

Наиболее выраженные изменения наблюдаются в блоке трансграничных операций. Объём вывода средств за рубеж последовательно сократился с 52 млрд Р в 2020 г. до 8,5 млрд Р в I полугодии 2025 г. Снижение обусловлено сочетанием нескольких факторов:

- введением санкционных ограничений и сокращением числа доступных корреспондентских банков,
- развитием национальной платёжной инфраструктуры (СПФС, МИР, цифровой рубль),
- усилением контроля за авансированием импорта и торговыми операциями с посредниками,
- повышением чувствительности антифрод-алгоритмов, выявляющих аномалии по профилю клиента, назначению платежа и географии контрагента [2].

В 2022–2024 гг. произошло структурное смещение в сторону фиктивных переводов за товары, не пересекавшие границу РФ. Эти схемы сохраняют экономическую мнимость, но маскируются под внешнеторговые расчёты и требуют более глубокого анализа цепочек поставок и контрактных взаимосвязей (см. табл. 2) [3].

Таблица 2 – Объемы трансграничных операций [4-8]

Операции	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Первое полугодие 2025 года
Авансирование импорта товаров	27	17	17,6	12	3,6
Переводы по сделкам с услугами	5	4	2,6	2	1,8
Импорт товаров через страны Таможенного союза	5	13	4,9	3	0,7
Переводы по сделкам с ценными бумагами	3	-	-	-	-
Переводы за товары, не пересекающие границу Российской Федерации	-	-	3	7	1,7
Иные схемы	3	3	2,7	2	0,6

Динамика обналичивания денежных средств остаётся более волатильной. После сокращения на 21 % в 2021 г. последовал всплеск в 2022 г. (+ 23 %, до 64 млрд ₽), отражающий краткосрочный рост спроса на наличную ликвидность в условиях перестройки логистических цепочек. В 2023–2025 гг. наблюдается стабилизация с постепенным снижением (– 22 % и – 19 % соответственно). Сокращение связано с развитием цифровых расчётных инструментов, ограничениями на выдачу наличных и удорожанием посреднических услуг (обналичивание). В то же время отмечается частичный переток операций в серую безналичную зону — оформление псевдоуслуг, маркетинговых и ИТ-контрактов с фиктивным экономическим содержанием (см.табл.3).

Таблица 3 – Объемы обналичивания денежных средств [4-8]

Операции	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Первое полугодие 2025 года
Выдачи физическим лицам	42	37	44,9	37	14,2
Выдачи юридическим лицам	16	17	5,6	3	0,5
Выдачи индивидуальным предпринимателям	4	9	9	4	1,2

Транзитные операции сохраняют значимую долю в общей структуре подозрительных транзакций. Наиболее уязвимыми секторами остаются лом чёрных и цветных металлов, лом драгоценных металлов и камней, а также операции по обороту наличной выручки. Их доля в совокупной массе подозрительных операций варьирует от 33 % до 47 % в 2021–2023 гг. и остаётся стабильно высокой (около 37–40 %) в 2024–2025 гг. Это объясняется сочетанием высокой ликвидности, экспортной направленности и фрагментарной структуры бизнеса, создающей условия для налогового арбитража и цепочек-посредников (см.табл.4).

Таблица 4 – Транзитные операции [4-8]

Операции	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Первое полугодие 2025 года
Обналичивание денежных средств	33	41	47	37	40
Операции, уклоняющие от налогов в области металлолома и драг.металлов	31	27	24	27	29
Продажа наличной выручки	19	21	18	24	18
Вывод денежных средств за рубеж	17	11	11	12	13

Отраслевой анализ подтверждает устойчивый характер спроса на теневые услуги. На первом месте — строительство (до 43 % в 2022 г., около 35 % в 2024–2025 гг.), далее следуют торговля, услуги и производство.

Строительная отрасль демонстрирует структурную уязвимость из-за многоступенчатости контрактов и субподрядов, а рост сферы услуг отражает цифровизацию экономики, когда значительная часть операций осуществляется с нематериальными объектами и сложна для проверки на предмет экономического смысла (см.табл.5).

Таблица 5 — Отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги (%) [4-8]

	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год	Первое полугодие 2025 года
Строительство	35	43	37	34	37
Торговля	27	26	26	26	25
Услуги	20	19	21	23	22
Производство	17	11	14	15	14
Прочее	1	1	2	2	2

Особое значение приобретают технологические факторы. За последние пять лет Росфинмониторинг внедрил масштабные цифровые решения — Единую информационную систему, платформу «Прозрачный блокчейн», аналитические комплексы на базе машинного обучения и графовых моделей связности. Это позволило перейти от порогового контроля к контекстному анализу операций и прогнозированию рисков. Банки и некредитные финансовые организации адаптировали свои системы внутреннего контроля к риск-ориентированной модели, что выразилось в снижении количества формально подозрительных операций при росте доли реально значимых сообщений STR.

Сравнение с международной практикой показывает схожие тренды в странах-членах ЕАГ — Казахстане, Беларуси, Кыргызстане, где также отмечено сокращение количества подозрительных операций и усиление аналитического компонента финансовой разведки. По данным ЕАГ (2024), доля операций, в отношении которых начаты финансовые расследования, выросла в среднем на 18 %, что подтверждает эффективность перехода от количественных показателей к качественным метрикам результативности.

Таким образом, снижение объёмов подозрительных операций в России следует трактовать не как временный спад, а как признак институционального созревания системы ПОД/ФТ. Рынок простейших схем — наличный вывод, транзитные цепочки, формальные авансы — постепенно теряет маржинальность, а нелегальные участники смещаются в более сложные и дорогостоящие конструкции, где вероятность выявления существенно выше.

В среднесрочной перспективе 2026–2028 гг. представляется возможным прогнозировать дальнейшее снижение совокупных объёмов подозрительных операций при одновременном усложнении их

структурной и технологической конфигурации. Наметившаяся в 2021–2025 гг. тенденция к сокращению традиционных форм обналачивания и трансграничного вывода капитала будет сопровождаться формированием более сложных гибридных схем, сочетающих признаки легальной хозяйственной деятельности и элементов анонимных цифровых транзакций. При этом изменяется не только количественная, но и качественная природа финансовых правонарушений: на смену классическим схемам транзита и фиктивного импорта приходят операции, основанные на манипуляции нематериальными активами, цифровыми платформами и искусственным интеллектом.

Одним из ключевых направлений смещения рисков становится расширение использования сделок с нематериальными услугами и объектами интеллектуальной собственности в целях легализации доходов. Данная категория операций отличается высокой степенью субъективности при определении стоимости и экономического содержания, что создаёт возможности для искусственного завышения или занижения цены контракта, перевода средств между аффилированными структурами и последующего их вывода за рубеж. Наиболее уязвимыми являются трансграничные расчёты в ИТ-сфере, маркетинге, консалтинге и лицензировании, где верификация факта оказания услуги носит вероятностный характер. Для эффективного контроля в данной области требуется развитие межведомственных механизмов экспертизы, основанных на сравнительном анализе рыночных цен, технологических параметров и корреляции между результатом услуги и её финансовым выражением.

Вторым значимым направлением концентрации рисков остаются торгово-обусловленные схемы легализации (trade-based money laundering, TBML). В условиях санкционного давления и трансформации внешнеторговых потоков именно внешнеторговые операции сохраняют потенциал использования для вывода средств под видом авансирования импорта, фиктивных поставок либо манипуляций с ценой товаров. Типичными становятся схемы несоответствия между задекларированным и фактическим объёмом поставки, а также повторная перепродажа одной партии товара через аффилированных посредников. В этих условиях дальнейшее развитие системы финансового мониторинга должно базироваться на комплексной интеграции данных таможенных, налоговых и банковских регистров, что позволит осуществлять причинно-следственный анализ цепочек добавленной стоимости и своевременно выявлять расхождения между движением денежных средств и реальными хозяйственными процессами.

Отдельное внимание в перспективе требует сфера цифровых платформ и криптоактивов, которые становятся инструментом анонимизации

финансовых потоков. Децентрализованные площадки, P2P-сервисы и криптовалютные кошельки позволяют осуществлять транзакции вне традиционных каналов комплаенс-контроля. Использование подобных инструментов, в том числе в сочетании с переводами в национальных валютах дружественных государств, формирует новые вызовы для регулятора. Эффективное противодействие возможно лишь при условии интеграции данных о криптовалютных транзакциях в Единую информационную систему Росфинмониторинга, развития специализированных инструментов анализа блокчейн-цепочек и совершенствования механизмов международного обмена информацией о движении цифровых активов.

Наконец, формируется принципиально новая категория рисков, связанная с использованием технологий искусственного интеллекта для обхода процедур идентификации клиентов (KYC) и автоматизации финансовых манипуляций. В условиях широкого распространения систем генерации синтетического контента возрастают угрозы подмены идентификационных данных, создания фальсифицированных видео- и аудиообразов, а также формирования автоматизированных цепочек платежей, имитирующих легальные операции. Это требует внедрения специализированных решений для защиты от мошенничества с использованием искусственного интеллекта, способных распознавать машинно-сгенерированные данные, а также адаптации правовой базы идентификации клиентов к условиям цифровой среды. Обозначенные тенденции предопределяют необходимость эволюции национальной системы ПОД/ФТ от преимущественно реактивного контроля к проактивной модели надзора. В её основе должны лежать предиктивные методы анализа, использующие инструментарий машинного обучения, графовых алгоритмов связности и аномалистического скоринга. Такой подход позволит формировать динамические профили субъектов финансовых отношений, выявлять неочевидные корреляции между участниками и прогнозировать вероятность совершения подозрительных операций до их фактической реализации.

Для поддержания устойчивости системы ПОД/ФТ в условиях нарастающей цифровизации финансового сектора представляется целесообразным сосредоточить усилия на нескольких направлениях. Прежде всего — на развитии комплексных моделей анализа цепочек добавленной стоимости, обеспечивающих сквозное наблюдение жизненного цикла сделки от момента заключения контракта до его отражения в расчётно-налоговых документах. Кроме того, требуется институциональное укрепление мониторинга операций с нематериальными активами, включая автоматизированную проверку соответствия заявленной стоимости рыночным аналогам. Важным

элементом повышения эффективности остаётся совершенствование межведомственного обмена аналитическими данными между Росфинмониторингом, Банком России, Федеральной налоговой службой и Федеральной таможенной службой на основе унифицированных форматов и защищённых цифровых платформ.

Дальнейшая цифровизация риск-моделей кредитных и микрофинансовых организаций должна сопровождаться внедрением интеллектуальных систем раннего предупреждения, ориентированных на поведенческие и сетевые признаки аномалий. В сочетании с усилением нормативной базы и развитием механизмов международного сотрудничества такие меры позволят не только снизить объёмы выявляемых подозрительных операций, но и повысить устойчивость национальной финансовой системы к трансформации глобальных рисков и технологических угроз.

Список использованных источников:

1. Лошкарев Вадим Вадимович. Незаконные финансовые операции: теория и практика противодействия // Имущественные отношения в РФ. 2023. №9 (264). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnye-finansovye-operatsii-teoriya-i-praktika-protivodeystviya> (дата обращения: 04.11.2025).

2. Кравцов Дмитрий Александрович Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-razum-preduprezhdenie-i-prognozirovaniye-prestupnosti> (дата обращения: 04.11.2025).

3. Андрей Владимирович Минаков, Нодари Дарчоевич Эриашвили Риск-ориентированный подход с использованием технологий искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в контексте обеспечения экономической безопасности России // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/risk-orientirovannyi-podhod-s-ispolzovaniem-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-protivodeystviya-otmyvaniyu-deneg-i> (дата обращения: 04.11.2025).

4. Банк России. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги: 2021 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата обращения: 03.11.2025).

5. Банк России. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги: 2022 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата обращения: 03.11.2025).

6. Банк России. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги: 2023 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата обращения: 03.11.2025).

7. Банк России. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги: 2024 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата обращения: 03.11.2025).

8. Банк России. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги: 2025 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2024/ (дата обращения: 03.11.2025).